

Б. Г. ЮДИН

ИЗ ИСТОРИИ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЧЕЛОВЕКЕ: ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС 1949 г.

В статье рассматривается история организации и проведения в Хабаровске 60 лет назад судебного процесса над японскими военнослужащими, принимавшими участие в разработке бактериологического оружия и проведении бесчеловечных экспериментов на узниках «отряда 731» – особого военного исследовательского и производственного центра, находившегося близ китайского города Харбина. Обсуждаются этическая сторона этих экспериментов и социально-психологические технологии, применявшиеся для того, чтобы свести до минимума влияние моральных ограничений на исследователей и персонал.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Сиро Исии, отряд 731, бактериологическое оружие, эксперименты на людях, Хабаровский процесс.

Шестьдесят лет назад, в самом конце 1949 г., в Хабаровске состоялся судебный процесс по делу японских военнослужащих, участвовавших в разработке и испытании бактериологического оружия. В отличие от обстоятельно изученного Нюрнбергского процесса над немецкими медиками и биологами в литературе, посвященной истории Второй мировой войны, этому судебному расследованию уделяется значительно меньше внимания. Сказанное относится как к зарубежным, так и к отечественным исследованиям.

В настоящей статье будут рассмотрены события, которые предшествовали процессу, он сам и его последствия. В центре внимания при этом будут медицинские эксперименты на людях, осуществлявшиеся японскими учеными. Во всей истории человечества найдется не так много зверств, сравнимых с теми «исследованиями», которые проводились неподалеку от Харбина. Речь у нас пойдет, в частности, о том, как стало возможным – с моральной точки зрения – проводить такие эксперименты.

Дорога к Хабаровску

Хабаровскому процессу предшествовало весьма длительное судебное разбирательство, официально называвшееся Международным военным трибуналом для Дальнего Востока. Этот трибунал проходил в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. В его состав входили обвинители от одиннадцати стран, так или иначе причастных к войне с Японией. Председателем трибунала был

назначен представитель Австралии – сэр Уильям Уэбб, главным обвинителем – американский адвокат Джозеф Кинан ¹.

В ходе Токийского трибунала обозначились признаки усиливающегося конфликта между двумя сверхдержавами – СССР и США. Так, выступавший государственным обвинителем на процессе в Хабаровске Л. Н. Смирнов отмечал, что прокурор нанкинского городского суда представил Токийскому трибуналу отчет о деятельности отряда «Тама», одного из

наиболее секретных учреждений японской армии, систематически производивших зловещие эксперименты над живыми людьми, делая им прививки отравленными сыворотками [...]

Вскоре после этого советское обвинение в Международном военном трибунале передало американскому главному обвинителю Джозефу Б. Кинану письменные показания Кавасима и Карасава (впоследствии оба оказались на скамье подсудимых Хабаровского процесса – Б. Ю.), с достаточной полнотой раскрывавшие преступления японской правящей клики по производству злодейских опытов над живыми людьми при испытании бактериологического оружия.

Но, по-видимому, какие-то влиятельные лица были заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать разоблачению чудовищных преступлений японской военщины, и документы о деятельности отряда «Тама» и об аналогичных опытах, производившихся в отряде Исии, Трибуналу не были представлены ².

Многие исследователи соглашались с тем, что в ходе Токийского трибунала США, игравшие на нем главную роль, не были склонны выдвигать обвинения в военных преступлениях против тех, кто был связан с проведением этих экспериментов. Японский историк науки Кэйити Цунейси ³ отмечает, что американские военные начали расследовать эту деятельность уже в сентябре 1945 г. Однако их расследование было направлено не на поиск доказательств для обвинения, а на сбор научных данных, полученных в ходе проводившихся японцами исследований в области биологического и химического оружия. Никто из японских военных, предоставивших такую информацию, впоследствии не был обвинен в военных преступлениях. «Другими словами, в обмен на передачу имеющихся у них исследовательских данных им был предоставлен иммунитет от судебного преследования» ⁴.

Однако, продолжает Цунейси, в конце 1946 г. советские представители на Токийском трибунале обозначили свое намерение расследовать данные об экспериментах на людях и о разработке биологического оружия. В ответ американцы приступили к более тщательному изучению этих проблем. Одним из

¹ См.: Голунский С. А. Суд над главными японскими военными преступниками. М., 1947. С. 4.

² Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 441–442.

³ Здесь и далее в японских именах на первом месте стоит личное имя, на втором – фамилия.

⁴ Tsuneishi, Keiichi. Unit 731 and the Japanese Imperial Army's Biological Warfare Program (см.: <http://www.japanfocus.org/-Tsuneishi-Keiichi/2194>).

результатов этого нового расследования стал доклад патологов Эдвина Хилла и Джозефа Уиктора, работавших в американской военной биологической лаборатории Форт-Детрик. В октябре 1947 г. они побывали в оккупированной Японии, где встречались с Сиро Исии, возглавлявшим японские работы по созданию бактериологического оружия. В подготовленном ими докладе, заключение которого воспроизводит Цунейси, подчеркивалась научная ценность японских экспериментов:

Свидетельства, собранные в ходе этого расследования, [...] представляют собой данные, которые были получены японскими учеными, затратившими миллионы долларов и годы работы. Была получена информация о восприимчивости человека к болезням, вызываемым определенными дозами инфекционных бактерий. *Такую информацию невозможно получить в наших лабораториях из-за щепетильного отношения к экспериментам на человеке* (курсив мой. – Б. Ю.) ⁵.

Согласно Г. Г. Пермякову, который был главным переводчиком на Хабаровском процессе, советские власти были разочарованы некоторыми итогами Токийского трибунала. Он вспоминал, что в 1946 г. официальный советский обвинитель С. А. Голунский предложил передать трибуналу большое количество документов, описывающих «бактериологические преступления» Квантунской армии в Манчжурии. Однако американские обвинители не захотели приобщать к делу эти материалы. Вследствие этого в ноябре 1948 г. советские власти решили провести новое судебное разбирательство ⁶.

Со своей стороны, советские представители также проявляли интерес к японской программе биологического оружия. После окончания войны с Японией СССР и США вступили в жесткую конкуренцию за получение японских научных данных. Кен Алибек, известный советский специалист по биологическому оружию, ныне живущий в США, пишет, что

документацию, захваченную у японцев, отправили в Москву для более тщательного изучения. В ней содержались чертежи комплексов заводов по производству биологического оружия, которые были и больше, и совершеннее тех, что имелись в то время в нашей стране. В Свердловске в 1946 году по приказу Сталина был построен новый военно-исследовательский комплекс. При его создании советские инженеры и конструкторы активно использовали чертежи и знания японцев ⁷.

Э. И. Колчинский отмечает, что советские ученые, участвовавшие в разработке биологического оружия, не были склонны вспоминать об этом, и отмечает, что их молчание нельзя объяснить одной лишь секретностью проводившихся ими исследований:

⁵ Там же.

⁶ Пермяков Г. Зона смерти // Тихоокеанская звезда. 11 февраля 2000 г. (см.: http://www.toz.khv.ru/page.php?page=1249&date_id_num=2000-02-11).

⁷ Алибек К. Осторожно! Биологическое оружие! М., 2003. С. 60.

Как и их американские коллеги, участвовавшие в разработке биологического оружия, [...] советские ученые, помня о судьбе экспериментаторов над людьми в Японии и Германии, сами предпочитали помалкивать о своих заслугах в деле повышения обороноспособности страны. В этом они резко отличались от отечественных и западных создателей атомного и водородного оружия, ракет и т. д.⁸

В ходе войны и после ее завершения Красная Армия взяла в плен около 600 тыс. японских военнослужащих.

Советскими органами госбезопасности была проведена огромная работа по «фильтрации» всей этой массы пленных и выявлению среди них лиц, имевших отношение к японским исследованиям в области БО. [...] были выявлены даже жандармы, занимавшиеся «спецотправками» и расстреляны подопытных людей⁹.

По воспоминаниям Пермякова, которые цитирует биолог М. В. Супотницкий,

в 1946 г. из Москвы пришла шифровка – просили Хабаровский краевой центр МВД собирать материал о бактериологическом оружии, то есть допрашивать военнопленных и брать письменные показания. И тут мы «раскопали» 731 отряд. И установили, что в нашем лагере для военнопленных находятся три генерала, которые руководили этой работой. Они стали давать показания. Но не сразу.

Всего мы беседовали с 1000 военнопленных. От показаний рядовых солдат мы шли к допросам старших чинов и, в конце концов, с помощью очных ставок «раскололи» этих трех генералов. Мы выезжали в Харбин, опрашивали китайцев. Мы собрали огромный материал, которым гордились. [...] Весь этот материал мы готовили для Токийского процесса – восточного «Нюрнберга». Но там он не был использован¹⁰.

И вот в октябре 1949 г., вспоминал Пермяков, он был вызван к начальнику УМВД по Хабаровскому краю генералу Долгих, где были собраны и другие переводчики.

Совещание вел полковник Карлин, которого МВД СССР уполномочило провести процесс над офицерами японской армии, применявшими бактериологическое оружие. В интересах его личной безопасности он был надолго засекречен. Был засекречен и я – главный переводчик этого процесса [...]

Уже на следующий день после совещания началась изнурительная для следователей и переводчиков работа. Мы допрашивали 12 обвиняемых, среди которых были генералы, старшие офицеры и младшие чины¹¹.

⁸ Колчинский Э. И. Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб., 2007. С. 397.

⁹ Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы: В 2-х кн. Кн. 2. Чума бактериологического периода. М., 2006, Очерк 34. Чума от дьявола в Китае (1933–1945) (см.: <http://www.supotnitskiy.ru/book/book3-34.htm>).

¹⁰ Супотницкий, Супотницкая. Очерки истории чумы...

¹¹ Пермяков. Зона смерти...

Предварительное следствие длилось чуть больше двух месяцев, при этом из Москвы были присланы следователи высокого ранга. Допросы шли с 9 утра до 12 ночи. Выматывались все – и следователи, и переводчики, и заключенные. Чем же был вызван такой аврал после нескольких лет достаточно неспешного расследования?

Хабаровск, Окружной дом офицеров

В ходе процесса перед судом предстало 12 японских военнослужащих: главнокомандующий Квантунской армией генерал Отозоо Ямата, начальник санитарного управления той же армии генерал-лейтенант медицинской службы Рюдзи Кадзицука, начальник ветеринарной службы той же армии генерал-лейтенант ветеринарной службы Такаацу Такахаси, начальник отдела бактериологического отряда № 731 генерал-майор медицинской службы Киоси Кавасима, начальник отделения отряда № 731 майор медицинской службы Томио Карасава, начальник отдела отряда № 731 подполковник медицинской службы Тосихидэ Ниси, начальник филиала отряда № 731 майор медицинской службы Масао Оноуэ, начальник санитарной службы 5-й армии генерал-майор медицинской службы Сюдзи Сато, научный работник бактериологического отряда № 100 поручик Дзенсаку Хиразакура, сотрудник того же отряда старший унтер-офицер Кадзуо Митомо, санитар-практикант филиала № 643 отряда № 731 ефрейтор Норимицу Кикучи, санитар-лаборант филиала № 162 отряда № 731 Юдзи Курусима.

Все они обвинялись по статье 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников»¹². Необходимо отметить крайнюю суровость этого указа. В статье 1 отмечалось, что приговоры по ранее действовавшим правовым актам (которые включали и наказание в виде смертной казни) недостаточно строги, и была введена смертная казнь через повешение. Кроме того, указ вводил такую меру наказания, как каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Впрочем, 26 мая 1947 г. был принят другой Указ Президиума Верховного Совета СССР, приостановивший смертную казнь.

Вопрос о сроках проведения процесса заслуживает особого внимания. Хабаровский процесс проходил в декабре 1949 г. По утверждению Пермякова, было необходимо закончить процесс до Нового года:

Москва торопила следователей. В высоких кругах МВД знали, что в следующем, 1950 году в СССР снова будет введена смертная казнь. Поэтому сверху было дано указание провести Хабаровский бактериологический процесс еще до конца 1949 года: в то время между Москвой и Токио шли нелегкие переговоры о судьбе японских военнопленных. И ясно, что Япония особенно беспокоилась о высших чинах Квантунской и Корейской армий¹³.

¹² См., например, *Улицкий С. Я.* Борьба с преступностью в период Отечественной войны. Владивосток, 2000.

¹³ *Пермяков.* Зона смерти...

Последнее вечернее заседание суда, проходившее 30 декабря, закончилось поздно ночью, когда был зачитан приговор. Очевидно, еще до начала подготовки процесса было решено, что подсудимые не получат суровых приговоров. И действительно, уже 12 января 1950 г. был опубликован указ, возвращавший смертную казнь для тех, кто совершил особо опасные преступления против государства.

Дело рассматривалось в открытых судебных заседаниях Военным трибуналом Приморского военного округа под председательством генерал-майора юстиции Д. Д. Черткова. В процессе участвовала и экспертная комиссия, дававшая заключение по бактериологическим и медицинским вопросам. В нее входило шесть специалистов по проблемам эпидемиологии, иммунологии, микробиологии, паразитологии и ветеринарным наукам. Возглавлял ее Николай Николаевич Жуков-Вережников, действительный член Академии медицинских наук с 1948 г.; во время процесса он был вице-президентом АМН. Областью его научных интересов была профилактика чумы и холеры. В те годы, как известно, доминирующее положение в отечественной биологической науке занимали Т. Д. Лысенко и его сторонники, к числу которых принадлежал и Жуков-Вережников. Лысенковцы выдвигали довольно-таки экзотические теории; соавтором одной из них – о переходе возбудителя чумы в псевдотуберкулез – был Жуков-Вережников¹⁴.

Процесс проходил в Окружном доме офицеров. По словам Пермякова, попасть на слушания было довольно легко. Впрочем, журналист Е. П. Шолох утверждает, что для посещения суда было необходимо специальное разрешение: «Процесс был показательным [...] для советских граждан, которых по разнарядке посадили в зал заседаний. Для тех, кому не хватило места, вывели на зимнюю улицу громкоговорители»¹⁵.

Обвинение, выдвинутое на Хабаровском процессе, включало четыре пункта: организация специальных формирований для подготовки и ведения биологической войны, преступные опыты над живыми людьми, применение бактериологического оружия в войне против Китая, активизация подготовки бактериологической войны против СССР. В данной статье нас будет интересовать главным образом второй пункт. Четверо подсудимых – Кавасима, Карасава, Ниси и Митомо – обвинялись в непосредственном личном участии в опытах над живыми людьми¹⁶; еще трое – Ямада, Кадзицука и Такахаси – в том, что они «сознательно допускали производство преступных и бесчеловечных опытов над живыми людьми»¹⁷.

Преступление и наказание

Девять подсудимых обвинялись в преступлениях, совершенных ими во время службы в печально известном Отряде 731. Отряд был создан в 1936 г. в соответствии с секретным указом императора Хирохито главным идеологом

¹⁴ См.: Домарадский И. В. Перевертыш. М., 1995 (см. <http://www.domaradsky.ru/life.htm>).

¹⁵ Шолох Е. Адская кухня папаши Исии Сиро (часть 2) // Конкурент. 21 декабря 2004 г. № 50 (см.: http://www.konkurent.ru/starii_print.php?id=3328).

¹⁶ Материалы судебного процесса... С. 36.

¹⁷ Там же. С. 35.

бактериологической войны, впоследствии генерал-лейтенантом медицинской службы Сиро Исии. Первоначально в целях конспирации ему было присвоено название «Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии», а в 1941 г. он стал именоваться отрядом 731. Отряд размещался близ железнодорожной станции Пинфань в 20 км от Харбина. Согласно обвинительному заключению, здесь «к 1939 году был отстроен большой военный городок с многочисленными лабораториями и служебными зданиями»¹⁸. В отряде было около 3000 сотрудников.

Отряд состоял из восьми отделов. Эксперименты на людях проводились в отделе № 1, который

специально занимался исследованием и выращиванием для бактериологической войны возбудителей: чумы, холеры, газовой гангрены, сибирской язвы, брюшного тифа, паратифа и других, в целях их использования в бактериологической войне¹⁹.

В ходе этих исследований проводились опыты над животными и над живыми людьми, для чего на территории отряда была создана внутренняя тюрьма на 300–400 человек. Помимо опытов, проводившихся в «лабораторных» условиях, отдел № 2 производил проверку бактериологического оружия в условиях полигона (для этих целей также использовались заключенные и животные) и в боевой обстановке.

Согласно показаниям одного из обвиняемых, Киоси Кавасимы, некоторое время возглавлявшего отдел № 1, с 1940 по 1945 г.

через эту фабрику смерти было пропущено не менее трех тысяч человек, уничтоженных путем заражения смертоносными бактериями. Какое количество погибло до 1940 года, мне неизвестно²⁰.

Наряду с экспериментами, направленными на разработку бактериологического оружия, проводились и другие эксперименты, такие, как лишение испытуемых пищи и воды, намеренное обморожение рук, инъекция людям крови животных и т. п. В ходе допроса на предварительном следствии Кавасима показал, что

в 731-м отряде постоянно велись опыты над живыми людьми – заключенными из числа китайцев и русских, которые специально для этой цели доставлялись в отряд из органов японской жандармерии в Манчжурии. Для содержания подопытных заключенных отряд 731 имел специальную тюрьму, [...] где в условиях строгой изоляции содержались подопытные, именуемые сотрудниками отряда «бревнами» (по-японски марута. – Б. Ю.). Такое название подопытных я сам неоднократно слышал от начальника 731-го отряда генерала Исии²¹.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ Там же. С. 55–56.

В ходе допроса на суде Кавасима еще раз употребил применительно к испытуемому слово «бревна». Когда его спросили, почему именно Манчжурия, а не Япония была выбрана для подготовки бактериологической войны, он ответил: Манчжурия очень удобна для экспериментов по изучению средств бактериологической войны «потому, что там было достаточно подопытного материала» — людей, доставлявшихся для опытов и именовавшихся «бревнами». Кавасима объяснил также, что эти люди содержались в тюрьме не под их именами, а под номерами²². В другой раз Кавасима заметил, что подопытных называли бревнами «в целях конспирации»²³. Позже мы еще вернемся к этой теме.

Другой обвиняемый, Тосихидэ Ниси, в ходе предварительного следствия показал:

...Мне было известно, что с целью испытания бактериологических средств проводились опыты по насильственному заражению смертоносными бактериями людей русской и китайской национальности (в том числе военнопленных, содержащихся в тюрьме отряда) [...]

Опыты эти проводились в течение всего года, причем, после того, как люди, насильственно зараженные бактериями, погибали, их сжигали в имевшемся для этой цели крематории.

Так, мне известно о том, что в январе-марте 1945 года в тюрьме были проведены опыты по заражению русских и китайцев сыпным тифом; на полигоне ст. Аньда в октябре 1944 года был проведен опыт по заражению чумой (чумными блохами) пяти военнопленных китайцев; зимой 1943–44 года в отряде на русских и китайцах проводились опыты по обмороживанию конечностей [...]

Кроме того, в январе 1945 года при моем участии был произведен опыт по заражению десяти военнопленных китайцев газовой гангреной. Целью опыта было выяснить возможность заражения людей газовой гангреной в условиях мороза в 20°.

[...] 10 китайцев-военнопленных были привязаны к столбам на расстоянии 10–20 метров от бомбы шрапнельного действия, зараженной газовой гангреной.

Чтобы люди сразу не были убиты, их головы и спины защищались специальными металлическими щитами и толстыми ватными одеялами, а ноги и ягодицы оставались незащищенными. После включения тока бомба разрывалась, засыпав площадку, где размещались подопытные, шрапнелью с бактериями газовой гангрены. В результате все подопытные были ранены в ноги или ягодицы и по истечении 7 дней умерли в тяжелых мучениях²⁴.

Выступая на процессе, государственный обвинитель Смирнов отмечал:

Доказано, что в отряде № 731 производились на живых людях бесчеловечные эксперименты, не только связанные с подготовкой бактериологической войны, но и другие не менее бесчеловечные и мучительные опыты [...] велись в широких масштабах. Эти опыты преследовали цели изучения

²² См.: Там же. С. 259.

²³ Там же. С. 15.

²⁴ Там же. С. 61–62.

пределов выносливости организма человека в определенных условиях, изучения отдельных вопросов профилактики и лечения не инфекционных заболеваний [...]

Для производства подобных опытов [...] отряд № 731 имел барокамеру, в которой выяснялись пределы выносливости организма человека на больших высотах [...] Помещаемый в барокамеру человек умирал медленной смертью, в невероятных мучениях ²⁵.

В обвинительном заключении описывалась судьба тех заключенных, которым довелось выжить в ходе эксперимента:

Если заключенный, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, выздоравливал, – показал обвиняемый Кавасима, – то это не спасло его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока не наступала смерть от заражения. Лиц, подвергшихся заражению, лечили, исследуя различные методы лечения, нормально питали и после того, как они окончательно поправлялись, их использовали для следующего эксперимента, заражая другим видом бактерий. Во всяком случае живым из этой фабрики никто никогда не выходил ²⁶.

Трое из подсудимых обвинялись в проведении опытов над живыми людьми в другом подразделении – отряде № 100, располагавшемся в местечке Мога-тон в 10 км южнее города Чанчунь, также на северо-востоке Китая. В отряде № 100, помимо всего прочего, проводилось изучение новых возможностей использования бактерий в военных целях и разработка сильнодействующих ядов для массового уничтожения людей. С этой целью проводились исследования как на животных, так и на живых людях.

В ходе процесса обвиняемый Кадзуо Митомо, бывший сотрудник отряда № 100, свидетельствовал о проведении экспериментов на живых людях в августе-сентябре 1944 г. В ходе этих экспериментов подопытным – русским и китайцам, которых было 7–8 человек, – незаметно от них давали снотворные средства и яды. Каждый испытуемый в течение двух недель пять-шесть раз получал отравленную пищу. Через две недели все подопытные ослабевали настолько, что их больше нельзя было использовать для экспериментов. «С целью конспирации» все они были умерщвлены.

После этих показаний Митомо был подвергнут тщательному допросу:

Вопрос: Каким путем (умерщвлялись испытуемые. – Б. Ю.)?

Ответ: Один подопытный русский по приказу научного сотрудника Ма-цуи был умерщвлен путем введения ему одной десятой грамма цианистого калия.

Вопрос: Кто его умертвил?

Ответ: Я ввел ему цианистый калий.

Вопрос: Что вы сделали с трупом этого русского, которого вы умертвили?

Ответ: Я анатомировал труп на скотомогильнике в отряде.

²⁵ Там же. С. 431.

²⁶ Там же. С. 17.

Вопрос: Что вы сделали потом с этим трупом?

Ответ: Зарыл этот труп.

Вопрос: Где была вырыта яма?

Ответ: На скотомогильнике на задах отряда.

Вопрос: Там же, где хоронились туши скота?

Ответ: Место одно и то же, но ямы другие. (*В зале движение, гул возмущения.*)

Вопрос: Расскажите, каким способом был убит вами этот человек, как вы осуществили это убийство?

Ответ: Для введения этому подопытному человеку цианистого калия у него, по указанию Мацуи, был вызван понос, это и послужило предлогом для введения цианистого калия.

Вопрос: Это значит, что вы обманули этого человека? Говоря ему, что вы сделаете ему укол с целью лечения, вы в действительности ввели цианистый калий, это было так?

Ответ: Правильно ²⁷.

На основании определения суда от 28 декабря перед судебно-медицинской комиссией было поставлено четыре вопроса. В заключении комиссии, в частности, было отмечено:

Все [...] изыскания (проводившиеся в отрядах 731, 100 и 1641) завершались опытами на полигоне, направленными на оценку эффективности того или иного вида бактериологического оружия или способа его применения. В процессе осуществления этих опытов, точно так же, как и в лабораторных условиях, в качестве «подопытных объектов» использовались живые люди. Бактериологическое оружие считалось пригодным для испытания его в боевой обстановке, если уже в условиях полигона применение этого оружия приводило [...] к насильственному заражению и гибели людей. Так, испытывались бомбы, начиненные микробами чумы и сибирской язвы, изучалась эффективность бомб, снаряженных чумными блохами ²⁸.

Вечером 30 декабря был объявлен приговор суда. Все обвиняемые были признаны виновными и приговорены к различным срокам заключения в исправительно-трудовом лагере. В своей заключительной речи государственный обвинитель предложил приговорить Ямаду, Кадзицуку, Такахаси, Кавасиму и Сато к 25 годам лишения свободы, Карасаву, Ниси, Оноуэ, Хиразакуру и Митомо – к срокам от 15 до 20 лет, а Кикучи и Курусиму – к 3 годам лишения свободы. Для некоторых из подсудимых приговор суда оказался более мягким. Так, Сато был приговорен к 20 годам, Оноуэ – к 12, Хиразакура – к 10, а Кикучи – к 2 годам.

Наблюдатели предлагали различные объяснения столь необычной мягкости приговоров Хабаровского суда. По воспоминаниям Пермякова, которые цитирует Супотницкий, когда в начале 1950 г. вышел указ о введении

²⁷ Там же. С. 322–323.

²⁸ Там же. С. 396.

смертной казни, «мне стало понятно, что бактериологических преступников просто спасли от высшей меры, которую они заслуживали. Значит, они были нужны живыми»²⁹. Но почему же был необходим такой мягкий приговор?

Журналисты Р. Уоркинг и Н. Чернякова в 2001 г. предложили такое объяснение: «Очевидно, Сталин боялся, что Япония расправится с советскими военнопленными, если в Хабаровске будут казнены ее военные врачи»³⁰. Такое объяснение, впрочем, не представляется сколько-нибудь убедительным. Во-первых, во время войны с нацистской Германией Сталин считал всех военнопленных (включая своего собственного сына) предателями, и большинство из тех советских военнопленных, которые были освобождены Красной армией, из немецких лагерей попадали прямоком в советские. Поэтому трудно представить Сталина испытывающим страхи по поводу советских военнопленных в Японии. Во-вторых, не менее трудно представить и то, что в Японии в конце 1949 г., через четыре с лишним года после ее капитуляции, могли оставаться какие-либо советские военнопленные.

Несколько позже, уже в 2004 г., Е. Шолох задался вопросом:

Почему же лютый сталинский трибунал так мягко обошелся с теми японскими «спецами» из отряда 731, которых удалось-таки отловить? Думается, здесь кроется та же причина, как и в случае, когда янки «взяли под микитки» руководство этого отряда. В обмен на полезную информацию трибунал в Хабаровске сначала «пожурил» их небольшими сроками и вполне сносными условиями содержания в лагере, а затем их и вовсе отпустили на историческую родину [...] Иначе трудно понять такую гуманность советского правосудия и спецслужб³¹.

Такое объяснение выглядит намного более убедительным.

Медицина для нападения

Рассмотрев несколько примеров экспериментов над людьми, представленных в ходе Хабаровского процесса, мы можем теперь обратиться к вопросу о том, чем обосновывались эти деяния, осуществлявшиеся японскими военными медиками и, прежде всего, Сиро Исии. Юрист М. Ю. Рагинский приводит фигурировавшее на процессе весьма характерное свидетельство. Описывая деятельность противозидемической лаборатории Вакамацу-Цию в Токио, Рагинский ссылается на показания бывшего сотрудника этой лаборатории, капитана медицинской службы, свидетеля, выступившего «на Хабаровском процессе под псевдонимом Накагава Посирии»³². По словам Посирии, Исии говорил сотрудникам лаборатории, что «военная медицина состоит не только

²⁹ Цит. по: *Супотницкий, Супотницкая*. Очерки истории чумы...

³⁰ *Уоркинг Р., Чернякова Н.* Преступления и наказание японских врачей // Владивосток (газета). 12 октября 2001 г. № 1058.

³¹ *Шолох*. Адская кухня папаша Исии Сиро...

³² *Рагинский М. Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 166.

в лечении и превентизации, подлинная военная медицина предназначена для нападения»³³.

Это в высшей степени своеобразное понимание медицины нашло свое воплощение в обширной программе исследований, включавшей жестокие эксперименты на живых людях. Правда, японские попытки разработать эффективное бактериологическое оружие оказались не очень-то успешными. Например, генерал-лейтенант Кадзицука вспоминал о своей встрече с Исии в феврале 1941 г.:

...Исии сказал мне, что после всех проведенных под его руководством исследований он пришел к выводу, что умышленное распространение эпидемии — не такая легкая вещь, как кажется некоторым людям и как ранее считал он сам. В природе естественное распространение эпидемии происходит очень легко, но искусственное распространение эпидемии встречает целый ряд препятствий, которые приходится преодолевать иногда с большим трудом. Успех подобных предприятий зависит, по его мнению, от индивидуальной подверженности людей различным инфекционным болезням, и он решил заняться изучением этой проблемы³⁴.

Ясно, что изучение «индивидуальной приверженности» требует проведения исследований на множестве испытуемых.

Главной целью экспериментов, проводимых в отряде № 731, было определение наиболее эффективных методов доставки патогенных организмов к предназначенным целям. В ходе проводимых в отряде исследований, свидетельствовал Кадзицука, Исии говорил, что

недостаточно иметь одни только патогенные возбудители, чтобы при помощи их можно было создать эпидемию, нужно хорошо знать физиологические условия и физиологические особенности людей. И он говорил, что только при условии изучения физиологических особенностей человека можно узнать условия возбуждения искусственной эпидемии³⁵.

Разработка бактериологического оружия (в особенности изучение физиологического действия различных типов патогенов) требовала подготовки и проведения дополнительных экспериментов и, следовательно, вовлечения все большего количества испытуемых. Проводилось, в частности, изучение действия патогенных бактерий на различные этнические группы. Помимо исследований, проводившихся на испытуемых китайского, русского, корейского и монгольского происхождения, к участию в экспериментах привлекались и американские военнопленные. Согласно свидетельствам одного из обвиняемых, майора Карасава, эксперименты на них проводились в маньчжурском городе Мукдене:

³³ Там же. С. 167.

³⁴ Материалы судебного процесса... С. 102.

³⁵ Там же. С. 297–298.

Вопрос: Скажите, занимался ли отряд 731 выяснением иммунитета американцев к заразным болезням?

Ответ: Насколько я припоминаю, это было в начале 1943 года. [...] ко мне приехал навестить меня научный сотрудник отряда Мината, который [...] рассказал о том, что он находится в Мукдене для изучения вопроса об иммунитете американцев. Мината специально командировался отрядом 731 в лагерь союзных военнопленных для исследования иммунитета англосаксов к заразным болезням ³⁶.

Таким образом, руководимые Исии японские исследователи, определяя уязвимость различных этнических групп к различным типам бактерий, стали развивать то, что можно обозначить как «антропологию подверженности человека инфекционным болезням».

Несмотря на все эти обширные испытания, успех попыток Исии создать эффективное бактериологическое оружие оказался весьма сомнительным. Супотницкий в своих «Очерках истории чумы» обсуждает некоторые трудности искусственного вызывания эпидемий в человеческих популяциях. Он пишет, что в начале 1930-х гг. идея использовать опасных возбудителей инфекционных болезней для массового поражения людей буквально носилась в воздухе. Была большая уверенность в том, что использование патогенных агентов для распространения инфекционных заболеваний может быть очень эффективным: достаточно только научиться подталкивать эпидемический процесс, после чего он будет развиваться сам по себе. Лабораторные эксперименты по аэрогенному инфицированию модельных животных, продолжает Супотницкий, породили в среде военных ученых убеждение в том, что массовое заражение людей можно вызвать с помощью так называемого «бактериального тумана» или «дождя», создаваемого либо с помощью специальных боеприпасов, либо летящим на определенной высоте самолетом ³⁷.

По мнению Супотницкого, «неудача Исии кроется не в отсутствии смертоносного потенциала у бактерий и вирусов, а в том, что он у них слишком глубоко запрятан природой». Он добавляет далее, что японские экспериментаторы выбрали самый тупиковый путь в развитии своего биологического оружия – керамические бомбы, начиненные чумными блохами.

На полигоне, на ровной местности с какого-то раза у японцев получалось подорвать керамическую бомбу на заданной высоте над привязанными к столбам пленниками. Те, в свою очередь, «ждали», когда на них заползут чумные блохи и т. п. Но в условиях противодействия противника и на пересеченной местности такой прием уже не проходил ³⁸.

Оценивая суммарный военный эффект японских усилий в этой области, Супотницкий замечает, что даже

³⁶ Там же. С. 265.

³⁷ См.: Супотницкий, Супотницкая. Очерки истории чумы... С. 545.

³⁸ Там же. С. 547.

официальные коммунистические китайские историки, заинтересованные в «сгущении красок», указывали на то, что бактериологическому нападению со стороны японцев было подвергнуто 11 уездных городов [...] В 1952 г. китайцы исчисляли количество жертв от искусственно вызванной чумы с 1940 по 1944 гг. приблизительно в 700 человек [...] Оно оказалось даже меньше количества загубленных «бревен»! В советских же войсках вообще не было ни одного заболевшего чумой, хотя они вели боевые действия в ее природных очагах и входили в города, охваченные чумой ³⁹.

Уже цитировавшийся Кэйити Цунейси приходит к аналогичным выводам о весьма низкой эффективности программы Исии. Описывая одну из ее ранних стадий, крупномасштабную атаку на город Ниньбо 27 октября 1940 г., он отмечает:

В ходе этой атаки было убито более ста людей, она стала одной из наиболее смертоносных в этой серии атак на китайские города. Однако если учесть, что эта атака была проведена тяжелыми бомбардировщиками, летевшими на рискованно низких высотах, эти результаты следует считать военной неудачей. Две главные причины привели к этой неудаче. Во-первых, используемые бактерии были столь инфекционными, что это немедленно вызвало тревогу среди жертв нападения. Во-вторых, попытка не удалась из-за преувеличенных ожиданий способности искусственно вызвать эпидемию [...] Ожидалось, что патогены, сброшенные над густонаселенной областью, такой, как Ниньбо, будут быстро распространяться от человека к человеку, но эти ожидания не оправдались ⁴⁰.

Затем Цунейси дает сходную оценку и некоторых из последующих стадий программы:

В апреле [1942 г.] Япония начала операцию Чжецзян, в ходе которой Исии и его сотрудники проводили массированные атаки с помощью биологического оружия. Главным используемым патогеном были бактерии холеры, результатом атак стали более 10 тыс. жертв. Сообщалось также, что некоторые из жертв были заражены дизентерией и чумой. Умерло более 1700 солдат, главным образом, от холеры. Все это можно было бы рассматривать как большой успех группы Исии, но дело в том, что все жертвы были японскими солдатами ⁴¹.

В этой связи имеет смысл заметить, что некоторые авторы говорили о высокой эффективности японских испытаний биологического оружия. Согласно оценке, которую приводит Ш. Харрис в «Фабриках смерти», «к концу 1942 г. счет жертв проведенных открытых испытаний безусловно шел на сотни тысяч» ⁴². Однако один из рецензентов «Фабрик смерти» отметил, что Харрис

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Tsuneishi*. Unit 731...

⁴¹ Там же.

⁴² *Harris, Sh. H. Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932–1945, and the American Cover-up*. 2nd ed. New York, 2002. Цит. по: *Nie, Jing-Bao*. The West's Dismissal of the Khabarovsk Trial as 'Communist Propaganda': Ideology, Evidence and International Bioethics // *Journal of Bioethical Inquiry*. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 36.

заимствовал сведения о количестве жертв из ненадежного источника, журналистской и ненаучной книги Д. Бергамини, опубликованной в 1971 г.⁴³

Как отмечает Супотницкий, Исии откровенно преувеличил военную значимость своего отряда в глазах командования Квантунской армии. Действительно, один из свидетелей на процессе в Хабаровске, бывший начальник отдела кадров Квантунской армии полковник Тамура, прибывший в мае 1945 г. с инспекционной проверкой, показал следующее:

Исии рассказал мне, что эффективность бактерий проверена в опытах над живыми людьми как в лабораторных условиях, так и в полевых, и что бактериологическое оружие является наиболее мощным оружием в руках Квантунской армии. Он информировал меня о том, что отряд находится в полной боевой готовности, и в случае необходимости [...] в состоянии обрушить непосредственно на войска противника громадные массы смертоносных бактерий, что отряд может также при помощи авиации провести операции по бактериологической войне в тылу противника над его городами⁴⁴.

После этого Тамура, по его словам, сообщил в докладе главнокомандующему Квантунской армии Ямаде о том, что отряд находится в полной боевой готовности. Супотницкий реагирует на эти слова с очевидной издевкой:

Это Исии говорил так о своих 10 старых самолетах, когда советская армия уже готовила для войны с Японией 3800 самолетов новейших моделей.

Теперь посмотрим, могло ли японское бактериологическое оружие нанести ущерб советским войскам. Предположим, японский самолет прорвался через систему ПВО и нанес удар бактериологическими бомбами по позициям советских войск. Причем температура и влажность воздуха были оптимальными для максимальной активности блох. Блохи были «блокированы», а при взрыве бомбы у них не оторвались лапки. Допустим и то, что наши солдаты не видели расползающихся чумных блох и подверглись их укусам. Все равно результат бактериологической атаки для японских военных был бы не тем, которого они ожидали. Еще до войны многим русским и китайским жителям Харбина было известно назначение «госпиталя» у поселка Пинфань. Информация о нем регулярно поступала в Генконсульство СССР. Секрета в том, что Япония ведет бактериологическую войну, в 1945 г. ни для кого не было. [...] Поэтому нет ничего удивительного в том, что к бактериологическим атакам советская армия заблаговременно и тщательно готовилась. Весь личный состав Дальневосточного округа был проиммунизирован высокоэффективной [...] вакциной⁴⁵.

⁴³ См.: *Fouraker; L.* Review of Sheldon H. Harris. *Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932–1945, and the American Cover-Up.* H-Japan. H-Net Reviews. February, 2004, P. 2 (см.: <http://www.h-net.msu.edu/reviews/showrev.cgi?path=221861080297858>).

⁴⁴ Материалы судебного процесса... С. 349.

⁴⁵ *Супотницкий, Супотницкая.* Очерки истории чумы... С. 549–550.

Итак, мы приходим к выводу о том, что, во-первых, японцы не могли вести разработку бактериологического оружия без непрерывного увеличения количества подопытных людей и, во-вторых, что весь проект был обречен на неудачу.

Технология марута

Обратимся теперь к вопросу о том, каковы были этические ценности и моральные посылки, позволявшие *без какой-либо щепетильности* проводить эти эксперименты в массовом, или даже индустриальном масштабе. Этот вопрос можно сформулировать и таким образом: а как вообще понимали человека те, кто считал допустимым подвергать жестокостям и пыткам большое количество людей? Если единичный акт такой жестокости можно было бы считать случайностью, то эксперименты, проводимые в таких огромных масштабах, должны были опираться на некоторые обоснования, позволяющие считать приемлемым их проведение. Увы, этот случай далеко не уникальный: человеческая история изобилует примерами массовых зверств. Здесь мы коснемся этой темы лишь в той мере, в какой подобные зверства реализовывались в сфере биомедицинских исследований.

Прежде всего, злоумышленникам необходимо было найти способы провести различия между «мы» и «они». «Мы» – это те, кто проводили эксперименты наряду с теми, кого экспериментаторы относили к той же самой категории. «Они» принадлежат к другой категории и в какой-то мере могут рассматриваться как «не-люди». На моральном уровне такая предпосылка дает предлог для того, чтобы отстраниться от «золотого правила» морали или по крайней мере смягчить его действенность.

Чаще всего основанием для такого противопоставления бывают расовые или этнические различия. Дж. Д. Доуэр пишет о теории расовой иерархии, которая доминировала в то время в Японии. Согласно этой теории, в Азии существует три уровня существ:

Первая – это раса господ, к которой принадлежат японцы; вторая – родственные расы, такие, как китайцы и корейцы, и третья – расы переселенцев, составленные из островных народов, таких, как жители Самоа. Все неапонские расы рассматривались как низшие формы жизни, которые должны быть в подчинении у японцев ⁴⁶.

Такое мировосприятие открывает возможность жертвовать людьми, принадлежащими к «низшим» этническим группам.

Мы видели, что расовый вопрос играл существенную роль при выборе подопытных. В материалах процесса нет упоминаний о каком-либо использовании в качестве испытуемых японцев; однако большинство экспериментов в отряде 731 проводилось на китайцах, т. е. членах одной из родственных рас. Следовательно, в распределении людей на «мы» и «они» расовый критерий был не единственным.

⁴⁶ Dower, J. W. War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. N. Y., 1986. P. 8.

Другим критерием был выбор испытуемых из числа врагов нации, актуальных или потенциальных. Так называемые «законы военного времени» очень часто используются в качестве оправдания для всякого рода жестокостей, включая ужасные эксперименты, проводившиеся в отряде 731. Дополнительный аргумент, как мы видели, предложил Исии, который считал, что военная медицина предназначена не только для лечения и предотвращения болезней у людей, но и для того, чтобы нападать на них.

Японские военные медики использовали все эти критерии для различения между «мы» и «они» (включая сюда и такие категории, как пленники и преступники). Что является действительно уникальным и может быть рассмотрено как серьезная инновация в области социально-психологических «технологий» – это создание понятия марута (бревно) для обозначения испытуемых.

Как мы видели, Кавасима свидетельствовал о том, что именование «бревна» применялось «в целях конспирации». Представляется, однако, что соображения конспирации были отнюдь не единственной причиной. С. Моримура вспоминает, что один из бывших сотрудников отряда 731 как-то сказал ему:

Мы считали, что «бревна» не люди, что они даже ниже скотов. Среди работавших в отряде ученых и исследователей не было никого, кто хотя бы сколько-нибудь сочувствовал «бревнам». Все: и военнотрудовые, и вольнонаемные отряда – считали, что истребление «бревен» – дело совершенно естественное ⁴⁷.

Таким образом, подчеркивалась «нечеловеческая» природа испытуемых – они воспринимались, как всего лишь неодушевленный материал для испытаний. Безусловно, такую категоризацию можно интерпретировать с точки зрения психологической защиты исследователей и служащих отряда. Х. Акияма, служивший в отряде 731, в своей книге вспоминает, что ему, как и его сослуживцам, потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть ко всему и стать равнодушным к чужим страданиям ⁴⁸. Однако наряду с психоэмоциональной значимостью «марута-технология» имела и социальный смысл. Конечно, человеку, вообще говоря, было бы трудно всерьез воспринимать другого как бревно, но постоянное и жесткое подкрепление такой идентификации со стороны окружающих может привести к тому, что он действительно станет видеть реальность именно таким образом, т. е. отождествлять некоторые категории людей с бревнами.

Известно, что в отряде 731 японцы пользовались такой довольно распространенной для подобного рода ситуаций практикой, как употребление чисел вместо имен пленных, используемых в качестве испытуемых. Такую практику можно назвать *деперсонализацией* – при этом человек перестает восприниматься как индивидуальная личность. Но марута-технология идет дальше: в этом случае мы можем говорить даже о *дегуманизации*, в результате которой пленные в некотором существенном смысле вообще перестают восприниматься как человеческие существа. Эта терминологическая инновация – именован

⁴⁷ Моримура С. Кухня дьявола. М., 1983. С. 13.

⁴⁸ Акияма Х. Особый отряд 731. М., 1958. С. 66.

ние пленных бревнами – яркий пример социального конструирования, за счет которого на свет появляются новые сущности, новые объекты. Хотя те, кого обозначают этим термином, и обладают некоторыми свойствами, присущими людям, они не воспринимаются как люди в подлинном смысле слова, скорее в них видят *не-совсем-людей*. Конечно, сам факт использования определенного слова для обозначения людей, принадлежащих к иной категории, чем «мы», вполне обычен. Можно напомнить, в частности, о том, что нацисты использовали применительно к евреям слово «паразиты». Но наш случай представляется исключительным в том отношении, что термин «марута» применялся именно в контексте биомедицинских исследований.

Моримура дает возможность более отчетливо увидеть этот процесс дегуманизации.

В жандармерии, до отправки в отряд, каким бы жестоким допросам их ни подвергали, они [пленные] все же были людьми, у которых был язык и которые должны были говорить. Но с того времени, как эти люди попадали в отряд, они становились всего лишь подопытным материалом – «бревнами» – и никто из них уже не мог выбраться оттуда живым ⁴⁹.

Среди документов, представленных на Хабаровском процессе, были выдержки из руководства по проведению допросов военнопленных, в которых описывалось использование самых безжалостных пыток для получения достоверной информации ⁵⁰. Но в таких случаях допрашивающие все-таки должны были видеть в пленном, пусть даже враге, человека, обладающего знаниями, способного понимать вопросы и отвечать на них и т. д.

Эти специфически человеческие характеристики оказываются излишними, когда людей превращают в бревна для проведения экспериментов. Здесь уже не имеет значения, были ли они врагами Японии. Начиная с этого момента главным, если не единственным значимым свойством испытуемых становится состояние их здоровья. Персонал отряда 731 прилагал значительные усилия для обеспечения тех, кто выживал при проведении эксперимента, наилучшим лечением и питанием. Но делалось это исключительно с целью восстановить их здоровье для проведения следующего эксперимента. Возникала, таким образом, парадоксальная ситуация: действия, которые в обычной повседневной жизни являются выражением подлинного гуманизма – обеспечение нуждающихся медицинской помощью и пищей – превращаются в свою противоположность, в проявление жестокости и подготовку к новым бесчеловечным экспериментам. Как писал Моримура, «нужны были здоровые “бревна”». От подопытных требовалось только здоровье. Больше ничто человеческое за ними не признавалось» ⁵¹. Здоровье и питание относятся к числу самых фундаментальных человеческих потребностей; и тем не менее нет сомнений в том, что испытуемые едва ли ответили бы согласием, если бы их проинформировали и спросили, хотят ли они пройти курс лечения, но с перспективой последующих новых страданий. Ведь само такое «лечение»

⁴⁹ Моримура. Кухня дьявола... С. 5.

⁵⁰ Материалы судебного процесса... С. 231–233.

⁵¹ Моримура. Кухня дьявола... С. 5.

представляет собой еще один уровень антигуманности – удовлетворение фундаментальных потребностей с тем, чтобы затем вновь превратить людей в «бревна».

* * *

Эксперименты на человеке, о которых стало известно в ходе Хабаровского процесса, представляют собой показательный пример такой модели *антропологии биомедицинского исследования*, которая с теми или иными модификациями превалировала в течение долгого времени. Эта модель ограничивает рамки биомедицинского исследования изучением биологического организма. Естественным следствием такой установки является то, что этические соображения рассматриваются только как помеха на пути получения истинного (и предположительно очень полезного) знания. Исследования, проводившиеся японскими медиками и военными в отряде 731 и других подразделениях, представляют собой крайнее выражение подобного подхода.

Однако такая модель антропологии биомедицинского исследования не является единственно возможной. Развитие механизмов этического регулирования этих исследований знаменует собой появление новой модели, когда испытуемые воспринимаются не как всего лишь биологические организмы, а как личности, имеющие собственные ценности, интересы, желания и права. Верно, что этические соображения, которые ныне должны самым серьезным образом приниматься во внимание с самого начала проведения любого биомедицинского исследования, иногда затрудняют получение нового знания. Тем не менее такой подход открывает и новые возможности для исследований и, тем самым, для более глубокого и многомерного понимания человека.